

ВОСПОМИНАНІЯ

ФРАНЦУЗСКАГО ДИПЛОМАТА ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ДВОРѢ.

1828—1831 гг. (*)

I.

Мой отъездъ въ Россію. — Императоръ Николай принимаетъ меня какъ стараго знакомаго. — Онъ приглашаетъ меня сопровождать его при предстоявшей турецкой войнѣ. — Я отправляюсь въ Измаилъ.

Воспоминанія, мною здѣсь передаваемые, вполнѣ личныя и имѣютъ характеръ чисто-эпизодическій. Я провелъ пять лѣтъ близъ императора Николая, изъ которыхъ шесть мѣсяцевъ

(*) Воспоминанія эти принадлежатъ барону Полю де-Бургоэну, бывшему въ 1826—1831 годахъ сначала первымъ секретаремъ, потомъ повереннымъ въ дѣлахъ и наконецъ полномочнымъ министромъ Франціи при с.-петербургскомъ дворѣ. Онъ замѣствованъ изъ изданной въ Парижѣ, въ 1864 году, книги: „Epiodes militaires et politiques“, въ которой авторъ описываетъ все, что видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ во время своей продолжительной служебной дѣятельности, сначала на военномъ, а потомъ на дипломатическомъ поприщѣ. Воспоминанія начинаются 1791 и оканчиваются 1832 годомъ, и тѣ изъ нихъ, которыя касаются пребыванія автора въ Россіи, могутъ служить матеріаломъ для исторіи царствованія императора Николая Павловича, конечно съ надлежащею критическою поправкою. Известно, что почти всѣ иностранцы, жившіе въ Россіи и пользовавшіеся ея радушиемъ гостеприимствомъ, считаютъ какъ бы своимъ долгомъ, по возвращеніи на родину, отзываться неблагопріятно обо всемъ русскомъ и посредствомъ печати пускаться въ ходъ не только невѣрныхъ и пристрастныхъ извѣстій о Россіи, но зачастую просто неблизкихъ. Баронъ Бургоэнъ составляетъ, въ этомъ отношеніи, рѣдкое исключеніе. Съ уваженіемъ и благодарностію говоритъ онъ о покойномъ государѣ, въ которомъ чтитъ и могущественнаго монарха, и высокаго праведъ человека. Конечно, въ сужденіяхъ Бургоэна о некоторыхъ историческихъ предметахъ отражаются увлеченія и односторонности взгляда француза, но вообще онъ снѣло и правдиво высказывается противъ предубѣжденій еденкъ соотечественниковъ относительно Россіи и покойнаго государя. Что касается до воспоминаній автора о турецкой кампаніи 1828 года, то хотя, по отрывочности ея, они и не прибавляютъ ничего новаго къ тому, что уже извѣстно по русскимъ источникамъ, однако, для полноты

прожилъ подъ военными палатками, въ турецкую кампанію 1828 года. Вмѣстѣ со мною участвовали въ этой кампаніи герцогъ де-Мортемаръ, посланникъ короля Карла X, восемь французскихъ офицеровъ и много другихъ военныхъ представителей почти всѣхъ европейскихъ армій (*).

Въ этихъ различныхъ положеніяхъ я имѣлъ съ императоромъ россійскимъ частія и почтительно-близкія сношенія.

Въ 1828 году, возвратясь въ С.-Петербургъ послѣ дѣйствительнаго участія въ турецкой кампаніи, я получилъ дозволеніе видѣть государя почти ежедневно.

Событія европейской важности, французская революція 1830 года и польская война разразились и совершились, во всѣхъ своихъ фазисахъ, въ то время, когда я исправлялъ въ Россіи должность представителя Франціи. Моя обязанность посредника въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, трудная и щекотливая, была облегчаема дружественнымъ довѣріемъ, которымъ удостоивалъ меня могущественный монархъ.

При совѣщаніяхъ о дѣлахъ, при бесѣдахъ, въ которыхъ мы вмѣстѣ обсуждали столь жаркіе вопросы, я могъ убѣдиться въ искреннемъ сочувствіи императора къ судьбамъ моего отечества и въ особенномъ благорасположеніи къ французской націи, несмотря на наши политическіе перевороты, несогласовавшіеся съ его непоколебимыми правилами. Эта-то непоколебимость и была источникомъ строгихъ и болѣе или менѣе основательныхъ сужденій о немъ.

Великаго монарха уже нѣтъ въ живыхъ; для него пробилъ замолокъ Бургеона о пребываніи въ Россіи, им не исключили ихъ. Они имѣютъ даже своего рода интересъ, какъ мемуары французскаго офицера, служившаго волонтеромъ въ нашей арміи и сохранившаго пріятную память о русскихъ, съ которыми онъ дѣлалъ труды и опасности.

Ред.

(*) Вотъ имена иностранныхъ офицеровъ разныхъ націй, участвовавшихъ въ турецкой кампаніи 1828 года: Французское посольство. Герцогъ де-Мортемаръ, посланникъ. Баронъ де-Бургеонъ, первый секретарь посольства. Графъ Текторъ де-Беарнъ. Графъ де-Криссоэль, нынѣ герцогъ д'Ювезь. Графъ Генрихъ де-Мортемаръ. Г. Казенеръ. Французскіе офицеры-волонтеры. Маркизъ Генрихъ де-ла-Рошшамонъ. Графъ Карлъ де-ла-Ферроа. Графъ Карлъ де-Фидъ-Димезъ. Австрійское посольство. Принцъ Россенъ-Гомбургскій, посланникъ. Князь Добновичъ. Князь Дитрихштейнъ. Баронъ Саликсъ. Англійскій офицеръ-волонтеръ. Лордъ Вандгемъ, нынѣ лордъ Лунанъ. Ганноверское посольство. Генералъ графъ Дерабертъ. Графъ Мазорнъ. Датскій полномочный министръ. Графъ Блюе. Шведскій полномочный министръ. Баронъ Пальмквиста. Прусское посольство. Генералъ графъ Ностикъ. Прусскіе офицеры-волонтеры. Графъ Тунъ. Г. Меліоръ. Г. Рейцшиштейнъ. Саксонскій офицеръ-волонтеръ. Баронъ Штейнъ.

часть суда исторіи, и прекрасныя дѣла его жизни, его заблужденія и ошибки, дѣйствія и слова послужили поводомъ къ выраженію самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Считаю своимъ долгомъ и правомъ противопоставить отзывамъ, почти безъ исключенія невѣрнымъ, еярошную дань моего свидѣтельства предъ безпристрастнымъ судомъ будущности.

Разсказъ мой, безъ всякихъ излишнихъ разсужденій, будетъ простъ, какъ проста самая истина; строго-точенъ, какъ исповѣдь видѣннаго и слышаннаго.

Въ февраль 1828 года мнѣ предписано было ѣхать въ С.-Петербургъ, для исправленія должности повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи. Графъ Ла-Феррона, долго жившій въ этой столицѣ, былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, и отъ него получилъ я мои инструкціи. Тогда еще не было рѣшено, возникнетъ ли война между Россіей и Портою; хотя все вѣроятности указывали на ближайшій разрывъ. Объявленіе войны послѣдовало только 7-го мая.

Франція и Россія находились въ то время въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Между Австріей и Россіей существовала одна изъ тѣхъ размолвокъ, близкихъ къ враждѣ, которыя возобновляются періодически между обѣими сосѣдственными имперіями. Англія тревожно и ревниво смотрѣла на приготовленія къ новому вторженію русскихъ въ предѣлы турецкой территоріи, на переходъ черезъ Прутъ и Дунай, какъ бы обратившійся въ традиціонную привычку. Одна Франція слѣдовала тогда политикѣ, рѣзко противоположной той, которой она подчинилась въ 1854 году. Не будучи враждебною Турціи, Франція выражала однако намѣреніе дозволить, въ случаѣ войны, многимъ своимъ офицерамъ служить волонтерами въ рядахъ русской арміи.

Передъ отъѣздомъ въ С.-Петербургъ, я спросилъ: какъ мнѣ вступить, если бы императоръ Николай принялъ начальство надъ своими войсками. Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что если государь предложитъ мнѣ сопровождать его, то я долженъ принять приглашеніе.

Вскорѣ до прибытія моего въ С.-Петербургъ, большая часть императорской гвардіи была направлена въ Турцію. Долги выступали послѣдовательно. Государь, по обыкновенію, при-

существовалъ при нихъ выступленіи, и я былъ приглашенъ сопровождать его каждое утро.

Знакомство наше началось въ 1816 году. Императоръ Николай, тогда великій князь, провелъ часть зимы при берлинскомъ дворѣ. Бракъ его съ принцессою Шарлотою прусскою былъ рѣшенъ. Величественная осанка и красота высокообразованныхъ жениха и невесты привлекали всѣ взоры. Я былъ представленъ молодому, двадцатилѣтнему, великому князю на балѣ. Въ этотъ день онъ имѣлъ на себѣ мундиръ прусскаго кирасирскаго имени своего полка. Съ первыхъ же словъ онъ милостиво отозвался о моемъ отечествѣ и о дорогихъ для моего патриотизма воспоминаніяхъ. Не участвовавъ въ послѣднихъ войнахъ имперіи, великій князь оставался чуждъ вражды и предубѣжденій этой эпохи: Наполеонъ былъ, въ глазахъ его, лишь историческое лицо, великій полководецъ, достойный уваженія. Говоря о французской арміи, великій князь хвалилъ, между прочимъ, высокую степень образованія нашихъ войскъ специальныхъ родовъ оружія, чрезвычайное развитіе идеи чести (*point d'honneur*) въ средѣ нашихъ офицеровъ и личную смѣлленность нашихъ солдатъ. Спросивъ меня затѣмъ, въ какихъ частяхъ я служилъ, и узнавъ, что я дѣлалъ послѣднія кампаніи въ рядахъ императорской гвардіи, онъ пожелалъ узнать, во всѣхъ подробностяхъ, составъ этого знаменитаго корпуса, и впоследствии времени не разъ вспоминалъ объ этомъ разговорѣ.

Походъ императорскихъ войскъ, отправляемыхъ въ Турцію, надлежало начать до окончанія зимы, потому что войска должны были пройти Европейскую Россію съ сѣвера на югъ, не менѣе полуторы тысячи верстъ; несмотря однакожъ на раннее выступленіе, они пришли на Дунай поздно, и это было одною изъ причинъ неполныхъ успѣховъ первой кампаніи 1828 года. Впрочемъ, русскіе овладѣли многими крѣпостями, большими и малыми, и проникли до подошвы Балкановъ; но если бы военныя дѣйствія начались двумя мѣсяцами раньше, то, быть можетъ, въ одинъ годъ кончилась бы война, продолжавшаяся два года и стоившая большаго числа жертвъ.

Такъ какъ императоръ Николай намѣревался выѣхать скоро по выступленіи изъ столицы послѣдняго отряда гвардіи, то я рѣшился просить о дозволеніи сопровождать его въ предстоящую кампанію и передалъ мою просьбу черезъ генералъ-

адъютанта графа Бенкендорфа. Графъ Бенкендорфъ весьма обязательно поспѣшилъ передать мнѣ отвѣтъ, что „его величество съ удовольствіемъ соглашается видѣть меня въ дѣйствующей арміи и назначаетъ мнѣ свиданіе, въ первый чѣслакъ іюня, на берегахъ Дуная“.

Возвратись домой, я послалъ графу Ла-Феррона частное письмо объ отвѣтѣ императора; но какъ я уже предварительно былъ уполномоченъ принять участіе въ предстоявшей войнѣ и желалъ присутствовать при первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, то и уведомилъ министра, что располагаю выѣхать скоро.

Черезъ два дня по отъѣздѣ государя и я пустился въ путь; по направленію къ Измаилу.

II.

Отъездъ въ Турцію.—Переправа русской арміи черезъ Дунай.—Лагерь у Траянова вала. — Я прикомандированъ къ 6-му пѣхотному корпусу. — Обложіе Силистріи.

Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія отправился я на войну, сулившую столько своеобразнаго и любопытнаго. По странной прихоти судьбы, мнѣ суждено было водить противъ мусульманъ тѣхъ самыхъ казаковъ, съ которыми, шестнадцать лѣтъ назадъ, я обмѣнивался ружейными и пистолетными выстрѣлами между Домбровною и Смоленскомъ. Самое путешествіе изъ Петербурга въ Измаилъ было для меня пріятнымъ введеніемъ къ тому величественному зрѣлищу, которое ожидало меня за Дунаемъ, въ виду стройныхъ минаретовъ Силистріи и подъ огнемъ ея бастіоновъ. Въ войну 1812 года, я, въ чинѣ подпоручика наполеоновской арміи, уже прошелъ часть русскаго государства, но съ запада на востокъ, отъ Нѣмана къ Москвѣ; въ 1828 году я проѣхалъ Россію прямо съ сѣвера на югъ. Двѣ линіи этого большаго креста, начертаннаго мною въ сихъ отдаленныхъ странахъ, соединялись въ Витебскѣ. Я шѣлся съ тою быстротою, которая, до устройства желѣзныхъ путей, была извѣстна только на русскіхъ почтовыхъ дорогахъ, и которая была тѣмъ сильнѣе, что впереди меня скакалъ почталіонъ, заготовлявшій мнѣ лошадей на станціяхъ. Словомъ, я летѣлъ съ тройною скоростью по необозримымъ равнинамъ.

Я оставилъ берега Невы 20-го мая, въ ту эпоху солнечнаго дня на сѣверѣ, которая представляетъ странный кон-

тратя: дни длиннѣе нашихъ лѣтнихъ дней, температура же воздуха часто столько же холодная, какъ въ наши зимренныя зими. Тамъ какъ я направился по прямой линіи въ синему южному небу, то дни убывали по мѣрѣ того, какъ меня обдавало теплымъ весеннимъ воздухомъ. Удаляясь отъ свѣта на встрѣчу теплу, я, выѣхавъ изъ Петербурга въ такую пору, когда почки на деревьяхъ еще не распускались, вышелъ, спустя медѣлю, въ полномъ цвѣту яблони и вишни на Волынн и на берегахъ Двѣстра... Коляска моя была куплена у *самаго* Фребеліуса, знаменитѣйшаго изъ петербургскихъ каретныхъ мастеровъ, которые одни умѣютъ приготовить оси, ресеры и подтяжные ремни, способные выдерживать, въ продолженіе недѣли, всякаго рода удары, толчки и подпрыгиванія на русскихъ дорогахъ—широкихъ, прямыхъ, обсаженныхъ иногда четырьмя прекрасными рядами деревъ, но никогда невидавшихъ ни тачки, ни лопатки. „Наши русскія дороги — сказали мнѣ одинъ очень любезный житель Петербурга — коверкаютъ въ сорокъ-восемь часовъ экипажи французскіе, англійскіе и вѣнскіе, но щадятъ наши національные экипажи въ теченіе восьми дней нашей безпримѣрной скачки—а это много.“

Въ силу этого предвѣщанія, я и ожидалъ на восьмой день какой-нибудь бѣды. Она не заставила ждать себя: произведеніе „великаго“ Фребеліуса, моя петербургская коляска сломалась передъ самою станціей, къ которой я подъѣхалъ уже въ наклонномъ положеніи...

Вскорѣ потомъ я прибылъ въ Измаилъ, сборное мѣсто для всѣхъ тѣхъ, которые имѣли назначеніе слѣдовать за императорскою главною квартирою. Здѣсь я нашелъ герцога де-Мортемара, французскаго посланника, пріѣхавшаго прямо изъ Парижа.

Закупивъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, мы направились къ хаджи-капитанскому лагерю, занятому уже нѣсколько недѣль частію русской арміи. Верстахъ въ сорока отсюда, въ Сатуновѣ, сдѣланы были приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай; для перехода же черезъ болота, покрывающія берега рѣки, была построена гать на протяженіи шести верстъ. Прежде всего переправилась, столько же смѣло, сколько благополучно, егерская бригада на лодкахъ запорожцевъ, которые, въ этомъ случаѣ, оказали существенную услугу. Перейти рѣку, шириною въ триста саженъ, въ виду непріятеля, дѣло ри-

слованное и трудное; запорожцы изъ хитробонашцевъ и судовничковъ превратились въ искусныхъ плотниковъ; ихъ лодки перевозили постоенно, подъ картежно-турецкихъ батарей, до пяти тысячъ человекъ; время того, запорожцы помогли много при постройкѣ судоваго моста, который позволилъ русской арміи слупить на неприятельской берегъ; наконецъ, они, со своими лодками, присоединились къ флотилии русскихъ канонирей (*).

Императоръ Николай, тотчасъ послѣ переправы черезъ Дунай, поѣхалъ впередъ на восемьдесятъ верстъ до мѣста, назначеннаго для довольно продолжительной стоянки (**).

Эта первая половина кампаніи, хотя мѣсколько однообразная, осталась однако въ насъ пріятнымъ воспоминаніемъ. Въ нашемъ военномъ посольствѣ господствовала полнѣйшая задушевность. Каждый вечеръ мы располагались неподалеку отъ императорской палатки и заботились больше всего о томъ, чтобы быстро поставить и въ мгновение ока снять палатки, составлявшія нашъ французскій лагерь. Это исполнялось по приказанію нашего посланника, желавшаго, чтобы мы считали дѣломъ своей чести быть изъ первыхъ готовыми и собирались верхомъ у императорской палатки. Руководствуясь своимъ рѣдкимъ талантомъ, нашъ посланникъ понималъ, что французскіе офицеры, допущенные въ главную квартиру иностранной арміи, должны были, прежде всего, отличаться своимъ усердіемъ и своею точностію, до той минуты, когда появленіе чамоносцевъ доставитъ имъ случай проявить и другія военныя доблести. Императоръ Николай скоро полюбилъ герцога де-Мортенара, некогда служившаго офицеромъ-ординарцемъ при Наполеонѣ, а его практическая опытность и военное образованіе

(*) Государь императоръ находился при войскахъ 3-го пѣхотнаго корпуса, и здѣсь же была главная квартира. Ред.

(**) Переправа русскихъ войскъ чрезъ Дунай послѣдовала, какъ извѣстно, 27-го мая. Войска, собранная у Сатунова, составляли большую часть пѣхотныхъ полковъ 3-го пѣхотнаго корпуса (Рудзевича). Егерская бригада, прежде всѣхъ переправившаяся, о которой упоминаетъ авторъ, была бригада генералъ-маіора Курьосова. Запорожцы, только что перешедшіе въ подданство Россіи, прибыли на 40 лодкахъ; третья отдѣленіе дунайской флотилии было въ числѣ 8 канонирскихъ лодокъ и 8 юнокъ. Странно, что авторъ не говоритъ ничего о переправѣ императора Николая Павловича въ лодкѣ, гребцами которой были запорожцы, а рулемъ управлялъ атаманъ ихъ, Гладкій, помаховинскій полковникомъ русской службы и кавалеромъ ордена св. Георгія 4-й степени. Ред.

придавали большой интерес бою его съ монархомъ, который самъ былъ знатенъ военнаго дѣла.

Ла-Рошжакель, Ла-Ферроа и Фицъ-Джемъ были прикомандированы къ кавалерійскимъ отрядамъ, составлявшимъ авангардъ арміи.

Послѣ шестидневнаго марша, русская армія пріостановилась, во-первыхъ, для того, чтобы дать время подойти гвардіи, а во-вторыхъ, чтобы дожидаться извѣстія о взятіи Браилова, сильной крѣпости на нижнемъ Дунаѣ, которой не хотѣли оставить въ тылу своемъ, углубляясь во внутрь турецкихъ владѣній.

Императорскій лагерь былъ расположенъ на возвышенности холма, тянувшася, по прямой линіи, съ сѣвера на югъ, и находился къ югу отъ Траянова вала, вѣчнаго памятника пребыванія римлянъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Валъ этотъ имѣетъ слиткомъ шестьдесятъ верстъ длины и направляется отъ запада къ востоку, начиная отъ поворота Дуная на сѣверъ до берега Чернаго моря. Земляное укрѣпленіе, хотя и обезображенное вѣковыми осѣданіемъ, видимо еще на всемъ своемъ протяженіи; можно отличить длинную зеленую линію его откосовъ, которая теряется на горизонтѣ, слѣдя за извилинами холмовъ, прерывающихъ влажныя равнины Добруджи. Въ иныхъ мѣстахъ оплота, построенаго побѣдителемъ Децебала противъ вторженій даковъ и другихъ варваровъ, замѣтны отверстія для прохода римскихъ легионовъ. Къ югу, внутри вала, уцѣлѣли еще квадратныя руды, назначенныя для охраненія этихъ воротъ.

Императорская палатка не отличалась по наружности отъ палатокъ генеральскихъ. Близъ палатки государя возвышался наметь, господствовавшій надъ всѣмъ этимъ холмистымъ городомъ: здѣсь ежедневно накрывался обѣденный столъ, къ которому были приглашаемы всѣ иностранныя офицеры и чины главнаго штаба императора. Мы пользовались подъ этимъ наметомъ роскошнымъ гостепріимствомъ.

Составъ главной квартиры принялъ скоро чрезмѣрные и стѣснительные размѣры. Допустивъ иностранныхъ посланниковъ и членовъ дипломатическаго корпуса, чуть не въ полномъ составѣ, императоръ, вѣроятно, сожалѣлъ о томъ, что число приглашенныхъ было черезуръ велико. Не трудно было предвидѣть, что изъ волонтеровъ только французы да пруссаки останутся искренними союзниками монарха, такъ радушно къ

принявшаго, а изъ большинства прочихъ найдутся лишь недоброжелательные зрители и газетные корреспонденты, враждебные русской политикѣ. Это убѣжденіе побудило императора Николая объявить представителямъ иностранныхъ посольствъ, что такъ какъ многіе изъ офицеровъ, просившихъ позволенія сопровождать его, вѣроятно, пожелають принять дѣйствительное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то онъ предлагаетъ имъ мѣста въ кавалеріи или въ пѣхотѣ своей арміи. Въ такомъ смыслѣ государь говорилъ и герцогу де-Мортемару, который и передалъ намъ это предложеніе. Я считъ долгомъ принять его и просилъ посланника доложить его величеству, что желаю поступить въ отдѣльный отрядъ.

На другой день, утромъ, императоръ, котораго я нашель передъ палаткою, подозвалъ меня и сказалъ:

— Какъ! вы хотите оставить меня?

— Я полагалъ, государь, что если бы, принявъ ваше милостивое предложеніе относительно дѣйствительной службы, я былъ опредѣленъ въ одну изъ пѣхотныхъ дивизій вашей арміи или прикомандированъ къ кавалеріи авангарда, то все же я былъ бы разлученъ съ вашимъ величествомъ. По этой причинѣ я предпочитаю поступить въ отдѣльный корпусъ, гдѣ найду меньше конкурентовъ, чтобы получить команду, и буду имѣть случай доказать вамъ мое усердіе.

— Вы, быть можетъ, и правы, отвѣчалъ императоръ. — Я передамъ ваше желаніе генералу, на котораго вы уважете. Ну, кого же вы выберете? Намъ предстоитъ еще взять или блокировать многія крѣпости на Дунаѣ. Не хотите ли ѣхать въ Рущукъ, гдѣ командуетъ генералъ Потемкинъ, или быть при обложеніи Силистріи съ генераломъ Ротомъ?

— Если ваше величество предоставляете выборъ мнѣ самому, то я желаю бы Силистрію.

— Отъ чего это предпочтеніе?

— Вы знаете, государь, что, между двумя совершенно неизвѣстными предметами, выбираешь обыкновенно или наудачу, или по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ. Я выбираю Силистрію единственно потому, что это названіе благозвучнѣе.

— А! вы любите звучныя имена.

— Да, ваше величество: если когда-либо мнѣ вздумается воспѣть стихами подвиги вашихъ воиновъ, то Силистрія, ко-

вечно, будетъ красоваться въ александрійскомъ стихѣ, тогда какъ для Рундука очень трудно было бы подобрать риму.

— Въ самомъ дѣлѣ, не легко отыскать риму. Въ такомъ случаѣ я буду усердно рекомендовать васъ генералу Роту. Вы найдете въ немъ достойнаго человѣка и энергическаго солдата. Онъ вашъ соотечественникъ—алъзаскій эмигрантъ, служащій съ нами тридцать-пять лѣтъ.

Вслѣдствіе этого разговора, мнѣ, на другой же день, утромъ, вручили обѣщанное рекомендательное письмо. Я откланялся императору, потому что все уже готовилось къ выступленію: армія шла впередъ на югъ, къ Балканамъ, а я долженъ былъ повернуть назадъ, къ сѣверу, чтобы присоединиться къ корпусу, направлявшемуся изъ Валахіи, и вмѣстѣ съ нимъ достигнуть Силистріи. На все время кампаніи мнѣ дали четырехъ казаковъ-ординарцевъ и изъ главнаго штаба прислали карту.

Я простился съ герцогомъ де-Мортемаромъ, оказывавшимъ мнѣ такъ много дружественнаго расположенія, и съ грустію расстался съ состоявшими при немъ офицерами, превосходными товарищами, съ которыми я желалъ бы сдѣлать всю кампанію. Посланныкъ снабдилъ меня одною изъ пяти палатокъ, отданныхъ въ его распоряженіе императоромъ.

Неподалеку отъ мѣста моего отъѣзда, я переступилъ чрезъ линіи Траянова вала и съ высоты его гребня, округленнаго восемнадцатью вѣками, видѣлъ на дальнемъ горизонтѣ послѣднія колонны русской арміи.

Затѣмъ, взявъ направленіе къ сѣверу отъ вала, я вѣхалъ въ пустыни Добруджи.

Руководимый моими казаками по безотраднымъ равнинамъ этого полуострова, знаменитаго своимъ нездоровымъ климатомъ, я прибылъ на Дунай, къ турецкой крѣпости Гирсову, взятой за двѣ недѣли передъ тѣмъ русскими войсками. Генералъ Ротъ прожилъ здѣсь шесть дней. Я употребилъ ихъ на снѣтіе плана этого города, правильная ограда котораго была построена въ XVI вѣкѣ, какъ и большая часть здѣшнихъ крѣпостей, генуэзскими инженерами. Я начертилъ два экземпляра для командира 6-го корпуса и приложилъ къ нимъ довольно подробное описаніе бомбардированія и взятія крѣпости генераломъ княземъ Мадатовымъ, основываясь на обстоятельномъ разсказѣ очевидца событія. Труды мои были представлены императору, приказавшему благодарить меня.

Шестой пѣхотный корпусъ двинулся затѣмъ къ Силистріи (1). Число войскъ, находившихся подъ начальствомъ генерала Рота, простиралось отъ 13,000 до 14,000 человекъ: одна пѣхотная дивизія, два батальона егерей, многочисленная артиллерія съ хорошою запряжкой, четыре уланскіе и два казачьи полка. Третій казачій полкъ прибылъ къ намъ спустя шесть недѣль.

С.-Петербургскіе уланы шли въ головѣ пѣхотной колонны. Я попросилъ генерала Рота, наканунѣ того дня, когда передъ нами должна была явиться Силистрія, позволить мнѣ присоеди- ниться къ сотнѣ казаковъ, долженствовавшихъ составлять передовой отрядъ полковника Вегидова (2). Въ это же время при- звалъ изъ императорской главной квартиры молодой флигель- адъютантъ графъ Георгій Толстой: ему было поручено при- сутствовать при обложеніи Силистріи и отдать отчетъ о резуль- татахъ этого дня. Онъ примкнулъ къ нашему авангарду.

Раннимъ утромъ (3) слѣдовали мы по весьма живописной гѣсистой мѣстности, приближаясь къ Дунаю, оставленному нами въ Гирсовѣ. Вдругъ, за кустарниками, мелькнули турецкіе всадники и въ то же время раздались ружейные выстрѣлы. За нами, въ недалекомъ разстояніи, шелъ С.-Петербургскій улан- скій полкъ; турецкая кавалерія, живо тѣсняемая казаками, от- ступила отстрѣливаясь. Казачій офицеръ построилъ большую часть казаковъ въ одну линію. Сначала мы шли шагомъ, по- томъ пустились въ галопъ и версты двѣ преслѣдовали турокъ, отступавшихъ къ городу. Наконецъ мы поднялись на одну изъ плоскихъ возвышенностей, господствующихъ надъ теченіемъ Дуная. Оконечность плато, на которое взѣхала сотня нашихъ казаковъ, называется по-турецки „Барачисликъ“. Это гѣсстая мѣстность, командующая всею высотой надъ теченіемъ Дуная. Когда мы прошли гѣсъ, который закрывалъ отъ насъ даль, мы увидѣли у своихъ ногъ великолѣпнѣйшую картину: крѣ- пость Силистрія предстала предъ нами во всей своей красотѣ.

(1) Не весь 6-й корпусъ двинулся къ Силистріи. Онъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одна часть имѣла назначеніе занять Малуу Валахию и блокировать Жур- ку, а именно 17-я пѣхотная и 4-я драгунская дивизіи; другая часть, 16-я пѣ- хотная и 5-я уланская дивизіи и два полка казаковъ, была направлена къ Сили- стріи. *Ред.*

(2) Авангардъ генерала Рота, подъ начальствомъ генералъ-маіора Габбе, со- стоялъ изъ 4½ батальоновъ, 3 эскадроновъ, 12 орудій и одного казачьяго полка. *Ред.*

(3) Вѣроятно, 9-го июля, когда генералъ Ротъ, отправивъ отряды въ разныя стороны, двинулся къ Силистріи отъ лѣснаго Голицы. *Ред.*

Городъ утопалъ въ зелени садовъ; изъ-за нихъ выселись пятнадцатъ ослѣпительной бѣлизны минаретовъ, острыхъ вершины которыхъ сверкали на солнцѣ; а дальше, за обширнымъ мусульманскимъ городомъ, разстилагись на необозримое пространство зеленыя равнины Валахія, усѣянныя серебристыми ручьями и безчисленными озерами.

Турецкіе всадники, которыхъ мы преслѣдовали, скрылись въ крѣпость и, безъ сомнѣнія, передали вѣсть о приближеніи русской арміи и появленіи авангарда въ виду города, потому что вскорѣ всѣ жители высыпали на валы взглянуть на наше прибытіе. Они дѣйствительно могли видѣть своихъ непріятелей на высотахъ, командующихъ крѣпостію, и доказали это тѣмъ, что удостоили послать намъ нѣсколько ядеръ, въ то время, когда мы съ радостными криками гарцовали на гребнѣ горъ.

Между тѣмъ, подошли войска шестаго корпуса. Я поспѣшилъ къ корпусному командиру донести о результатахъ даннаго мнѣ порученія: генераль Ротъ приказалъ мнѣ удостовѣриться, построили ли турки, какъ въ 1810 году и въ прежнія войны, ретраншаменты на пяти контрфорсахъ высотъ. Я сообщилъ добрую вѣсть, что укрѣпленія эти оставлены и что весь гарнизонъ сосредоточенъ въ крѣпости. Вслѣдствіе того, колонны пѣхоты были быстро двинуты впередъ; но турецкая армія уже выступила намъ навстрѣчу, и вскорѣ завязалось жаркое дѣло.

Паша силистрійскій Ибрагимъ развернулъ въ этотъ день всѣ свои силы, чтобы разбить русскую армію при первомъ ея появленіи. Пѣхота его подошла къ нашей по ту сторону оконечности плато, гдѣ я былъ съ казаками нашего авангарда. По всей линіи загорѣлся бой; русскимъ войскамъ предстояло одолѣть новые полки регулярной пѣхоты султана Махмуда; послѣ кровопролитной и упорной борьбы, турецкій гарнизонъ отступилъ въ Силистрію.

Вечеромъ корпусный командиръ сказалъ мнѣ:

— Изъ плана Гирсова, представленнаго государю императору, я видѣлъ, что вы имѣете познанія въ фортификаціи. Не принадлежите ли вы къ корпусу инженеровъ?

— Нѣтъ, генераль, я служилъ въ пѣхотѣ, потомъ въ штабахъ; но воспитанники сенъ-сирскаго военного училища знаютъ своего Вобана и своего Кармонтэня.

— Это очень кстати, отвѣчалъ генераль Ротъ. — Ко мнѣ

еще не прибыло ни одного генерала и ни одного штабъ-офицера инженернаго корпуса; если вы хотите, я предложу вамъ возвести укрѣпленія, которыми желаю прикрыть мой лагерь, дополнивъ тѣмъ обложеніе крѣпости.

— Постараюсь, генераль, сдѣлать все, что вамъ угодно будетъ поручить мнѣ.

— Вотъ въ чемъ дѣло: мы не намѣрены осаждать Силистрію; для этого у меня мало войскъ, да я не имѣю еще и осадной артилеріи. Я долженъ только блокировать многочисленный гарнизонъ, не допускать его тревожить тылъ нашей арміи; а для этого вамъ нужно господствовать надъ всѣми долинами, сходящимися къ Силистріи. На первый разъ предлагаю вамъ построить, въ эту ночь, небольшое укрѣпленіе на возвышенности Акарджа, вотъ что влѣво отъ насъ; я намѣренъ поставить тамъ двѣ пушки, а впоследствии двѣ мортиры.

Вскорѣ явился ко мнѣ офицеръ съ тремястами человекъ и сказалъ по-русски:

— Корпусный командиръ поручаетъ вашему начальству сто человекъ съ ружьями, сто съ кирками и сто съ лопатами.

Я понялъ смыслъ этихъ словъ тѣмъ скорѣе, что они объяснились сами собою при взглядѣ на орудія смерти и земляныхъ работъ, съ которыми пришли мои триста солдатъ. Впрочемъ, въ пятимѣсячное пребываніе мое въ Россіи, я выучился по-русски на столько, чтобы понимать и командовать, конечно безъ особенной роскоши краснорѣчія; для болѣе же серьезныхъ объясненій я прибѣгалъ къ помощи переводчиковъ. По наступленіи ночи, я направилъ мой отрядъ къ назначенному контрфорсу. Прибывъ сюда, я размѣстилъ моихъ вооруженныхъ людей такимъ образомъ, чтобы они могли наблюдать всякое движеніе со стороны непріятеля; затѣмъ поставилъ рабочихъ по обѣ стороны исходящаго угла, оконечность котораго была обращена къ Силистріи. Послѣ этого кирпичи и лопатки пришли въ движеніе. Во время работъ было приказано соблюдать глубочайшее молчаніе: мы находились на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпостныхъ валавъ и противникъ былъ насторожѣ; малѣйшій шумъ могъ встревожить его и подвергнуть насъ пушечнымъ выстрѣламъ и вылазкѣ. Однако турки не беспокоили насъ во всю ночь. Только на разсвѣтѣ высланный изъ крѣпости разъѣздъ замѣтилъ наши работы. Вслѣдъ затѣмъ къ намъ прилетѣло 24-фунтовое ядро, ударившееся именно въ

неоконченный еще уголъ укрѣпленія. Солдаты, смѣняясь, работали непрерывно, и хотя отъ времени до времени разражались сильной ливень, однако на разсвѣтъ я могъ судить, что ночь наша не прошла даромъ: саперы набросали изъ желтоватой земли эскизъ очень красиваго укрѣпленія, вышиною около трехъ метровъ (около 1½ сажени).

Этотъ реданъ или, точнѣе, это укрѣпленіе съ пятью фасадами въ видѣ исходящаго угла представляло еще неуклюжую массу земли, со рвомъ впереди; окончательная отдѣлка укрѣпленія, по всѣмъ правиламъ сапернаго искусства, должна была совершиться въ слѣдующія ночи, такъ сказать оцупью. Состоявшій подъ начальствомъ моихъ молодой инженерный поручикъ, офицеръ свѣдущій, служилъ мнѣ хорошимъ помощникомъ. Въ сопровожденіи его и нѣсколькихъ лучшихъ рабочихъ, я взошелъ на импровизованное укрѣпленіе и сталъ показывать, что надлежало дѣлать. Когда я, съ лопаткою въ рукѣ, стоялъ на укрѣпленіи, объясняя, какія линіи слѣдовало провести, какія исправить, благоприятная случайность вознаградила меня за всѣ мои труды, понесенные, почти безъ отдыха, въ продолженіе двадцати-четырехъ часовъ. Наканунѣ, вечеромъ, палатка корпуснаго командира была поставлена на томъ мѣстѣ, откуда я выступилъ на работу. Выйдя изъ своей палатки, находившейся на плато насупротивъ меня, и любопытствуя видѣть ходъ моихъ работъ, генералъ Ротъ направилъ свою большую подзорную трубу на курганъ Агарджу: лучъ зрѣнія упалъ на мой земляной веркъ и на мой французскій мундиръ, по которому издали можно было отличить меня отъ другихъ офицеровъ. Удивленный не быстротою моей работы (сдѣлать насыпь въ одну ночь не мудреная задача), но моимъ личнымъ участіемъ, корпусный командиръ сказалъ генералу Вахтелю, своему начальнику штаба:

— Этотъ французскій офицеръ неугомонъ: находясь весь вчерашній день, съ утренней зари, въ головѣ нашего авангарда, онъ провелъ ночь за постройкою укрѣпленія, а теперь, на разсвѣтъ, я опять вижу его съ лопаткою въ рукѣ!

Вслѣдъ затѣмъ, генералъ Ротъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта съ приглашеніемъ на завтракъ и на отдыхъ.

Я нашелъ на мысотѣ, гдѣ онъ учредилъ свою главную квартиру, прекрасную палатку, просторнѣе той, которую я привезъ изъ Карасу. Обязательный генералъ подарилъ мнѣ эту

палатку и велѣлъ помѣстить ее велѣть своей. Кромѣ того, саперы построили, по приказанію поручика, моего помощника, рядомъ съ палаткою, шалашъ или балаганъ изъ древесныхъ вѣтвей, необходимое убѣжище въ здѣшнемъ климатѣ въ знойные лѣтніе дни. Въ этомъ-то балаганѣ я и проводилъ большую часть свободнаго времени. Спустя нѣсколько дней послѣ постройки его, ядро большого калибра, пущенное изъ крѣпости, пробило насквозь легкія стѣны моего пріюта; но меня не было тогда въ балаганѣ.

Подъ Силистріей случались ежедневно небольшія стычки или открывалась кратковременная канонада между нашими батареями и бастіонами крѣпости. Не проводило пяти минутъ, чтобы турецкое ядро не рикошетирировало на одномъ изъ четырехъ плато, занятыхъ нами; но какъ нашъ лагерь былъ расположенъ довольно позади той части высоты, которая была вѣдна туркамъ, то снаряды ихъ, пущенные „на авось“, не причиняли намъ вреда.

Турецкіе канониры взяли привычку, которой держались съ самымъ методическимъ упорствомъ во все время блокады. Въ нашемъ лагерьѣ, какъ и въ императорской главной квартирѣ въ Карасу, полковая музыка сопровождала пѣніе вечерней молитвы, и усладительная мелодія христіанскаго гимна, раздаваясь по долинамъ до мусульманской твердыни, долетала такимъ образомъ до любопытной толпы, которая собиралась на валахъ крѣпости. Эти безмолвные слушатели представляли намъ непрестанно всякій день доказательство, что они выслушивали насъ внимательно: ни одного крика, ни одного выстрѣла не раздавалось во все продолженіе нашей вечерней молитвы; но лишь только замирали послѣднія ноты, всѣ бастіоны турецкаго города разражались залпомъ. Впрочемъ, всѣ подобныя громкія выходки, весь этотъ воинственный шумъ почти всегда оказывались недѣйствительными, по причинѣ разстоянія и взаимнаго положенія. Впрочемъ, случалось, что кто-нибудь изъ нашихъ солдатъ бывалъ раненъ смертельно въ тотъ самый моментъ, когда онъ возносился духомъ къ Богу. Иногда, по вечерамъ, слышали мы въ городѣ, подъ стѣнами котораго стояли, голосъ муэдзина, который, съ высоты круглаго балкона своего минарета, воспламенялъ мужество нравовѣрныхъ. Отдаленные звуки его голоса едва долетали до насъ, но отвѣты народа раздавались громко. Я попросилъ обязательнаго пере-

водчика, съ которыми ежедневно видѣлся у корпуснаго командира, объяснить мнѣ значеніе словъ силистрійскаго проповѣдника и его чамоносныхъ слушателей.

— Вы поймете, конечно—отвѣчалъ онъ—что я не могу на такомъ разстояніи слышать точный смыслъ ихъ разговора, турецкаго или арабскаго; но, по аналогіи и по воспоминанію, догадываюсь, въ чемъ состоитъ сущность ихъ бесѣды. Вѣроятно, онъ возсылаетъ слѣдующія мольбы къ небу: „Да сокрушитъ Аллахъ замыслы враговъ нашего султана!“, а собравшійся вокругъ мечети народъ отвѣчаетъ: „Аминь! аминь!“ арабское слово, соответствующее еврейскому „амень“ (вѣрно, подлинно, истинно), употребляемому и христіанами. Муэдзинъ продолжаетъ: „Да ослѣпитъ Аллахъ враговъ падишаха!“ А толпа возглашаетъ: „Аминь! аминь!“ Имамъ говоритъ: „Да пошлетъ Аллахъ чуму и всѣ бѣды на голову враговъ падишаха!“ А народъ повторяетъ: „Аминь! аминь!“ И такъ далѣе. По древнему, новому и всеобщему обычаю, когда два народа въ войнѣ между собою, каждый изъ нихъ проситъ, по своему, у Бога всего худшаго противнику.

Въ это время пріѣхалъ подъ Силистрію тотъ изъ французскихъ эмигрантовъ, который, послѣ герцога Ришельё, достигъ въ русской арміи высшихъ чиновъ. Графъ Ланжеронъ начальствовалъ тогда въ Валахіи, а такъ какъ Бухарестъ отстоятъ отъ Силистріи всего верстъ на шестьдесятъ, то, въ качествѣ добраго сосѣда, онъ прибылъ для того, чтобы согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями генерала Рота. Нивернейскій уроженецъ, онъ былъ старинный другъ нашего дома, и мы сблизились съ самаго пріѣзда моего въ Россію.

Графъ Ланжеронъ обладалъ пріятнымъ умомъ, и я съ удовольствіемъ встрѣтился съ нимъ вновь послѣ нашихъ частыхъ свиданій въ Петербургѣ. Состоя генераль-адъютантомъ при императорѣ Николаѣ и пользуясь большимъ его довѣріемъ, онъ оказалъ мнѣ, два года спустя, именно въ 1830 году, большую услугу по дѣламъ большой важности. Подъ Силистріей мы говорили только о военныхъ предметахъ, наиболѣе интересовавшихъ насъ. Графъ Ланжеронъ, съ высоты батарей, куда я сопровождалъ его, смотрѣлъ на живописную Силистрію какъ на свою старую знакомую: онъ дѣйствовалъ здѣсь въ кампанію 1810 года. Хотя батареями, редутомъ и укрѣпленіемъ, мною построенными, командовали артилерійскіе или пѣхотные офи-

щеры, однако корпусный командир облего меня почти неограниченною властію и позволялъ мнѣ испештировать ихъ по нѣскольку разъ въ день. Шутя я сказалъ графу Ланжерону:

— Мнѣ слѣдовало бы, генералъ, приказать сдѣлать, въ вашу честь, нѣскольکو пушечныхъ выстрѣловъ по живописной группѣ турокъ, которую вы видите; но я полагаю, что вы избавите меня отъ этого.

— Справедливо — отвѣчалъ генералъ въ томъ же тонѣ—я вовсе не желаю убивать людей ради моего прѣзда, да и нѣтъ ни малѣйшей надобности завязывать дѣло. Кстати расскажу вамъ случай, бывший на мѣстности, надъ которой мы теперь господствуемъ. Восемнадцать лѣтъ назадъ, я, какъ и теперь, стоялъ подъ Силистріей. Я былъ еще на столько молодъ, что не могъ не влюбляться. Въ лагерь мой прѣехала изъ Бухареста одна прехорошенькая женщина, съ своей подругой. Той, которая прѣехала собственно ко мнѣ, я предложилъ руку для прогулки, почти вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ съ вами. При видѣ турецкаго города и нарядныхъ наѣздниковъ, разсыпавшихся по равнинѣ, одна изъ своевольныхъ красавицъ вскричала: „Ахъ, какъ бы я желала посмотреть на сраженіе, милый генералъ: доставьте намъ это удовольствіе“. Я сталъ говорить о невозможности жертвовать солдатами для ея прекрасныхъ глазъ; но она упрямо требовала, по крайней мѣрѣ, самаго маленькаго сраженія, крошечной стычки. Наконецъ я сказалъ ей: „Не могу исполнить вашего желанія; но если вы непремѣнно хотите, то подойдемъ къ этимъ кустарникамъ, въ четырехстахъ шагахъ отсюда; турки, вѣроятно, станутъ стрѣлять по насъ, наши солдаты будутъ отвѣчать имъ, и вы увидите то, чего желаете“. Я рассчитывалъ, что молоденькая шалунья откажется; но нѣтъ, самолюбіе ея было затронуто, она воспользовалась моимъ предложеніемъ, и я нашелся вынужденнымъ пойти впередъ съ моими валахскими дамами и съ моимъ адъютантомъ, который, кажется, интересовался одною изъ нихъ. Случилось то, что я предвидѣлъ: засѣвшіе въ кустарникахъ турки привѣтствовали насъ ружейными выстрѣлами съ прибавкою турецкихъ фразъ, любезныхъ или ругательныхъ — не знаю. Моя отважная спутница струсила. „Милый графъ, довольно! довольно! воротимся, воротимся!“ воскликнула она въ испугъ. Разумѣется, я вернулся; но дорогою, когда мы подошли въ одному трудному мѣсту, мой адъютантъ, подавая

руку своей пріятельницѣ, которая оступилась на каменистой тропинкѣ, остановился на минуту и былъ раненъ пулею въ ногу. Можете судить, какъ я былъ огорченъ своею уступчивостію и ея послѣдствіями, заключилъ Ланжеронъ.

Пробывъ съ вами нѣсколько дней, графъ Ланжеронъ уѣхалъ въ Вукарестъ.

Я не пишу военной исторіи этой кампаніи, и потому не рассказываю почти ежедневныхъ нашихъ столкновеній съ турками. Упомяну лишь объ одномъ дѣлѣ, любопытномъ по своему ходу и по своимъ оригинальнымъ явленіямъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ графа Ланжерона, генераль Ротъ, считая какъ бы моею собственностію всѣ батареи и редуты, построенные мною на гребнѣ акарджійскихъ высотъ и по дорогѣ въ Шумлу, попросилъ меня, въ шутку, дать ему мѣсто въ амбразурѣ одного укрѣпленія, будто въ авансценной ложѣ, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ ночнаго бомбардированія. Флотилія русскихъ канонерскихъ лодокъ, поднявшись по Дунаю отъ Чернаго моря, должна была въ первый разъ бросать бомбы и ракеты въ Силистрію. Въ одиннадцать часовъ вечера мы расположились въ амбразурѣ и нѣсколько времени слѣдили за яркими кривыми линіями, которыя, во мракѣ ночи, описывали орудія смерти и пожара.

Спустя нѣсколько дней, корпусный командиръ вошелъ въ мою палатку, куда я только что вернулся, и сказалъ мнѣ:

— У насъ былъ военный совѣтъ: я не приглашалъ васъ потому, что мы говорили по-русски и вы не поняли бы нашихъ, довольно сложныхъ, совѣщаній. Я долженъ однако сообщить вамъ важное рѣшеніе, нами принятое. Силистріійскіе турки становятся съ каждымъ днемъ сильнѣе: они получили подкрѣпленія, между прочимъ многочисленную азіатскую кавалерію, подъ начальствомъ паши Сеидъ-Махмуда; мы же, напротивъ, теряемъ постоянно людей отъ непріятельскаго огня и отъ болѣзней. Гарнизонъ уже не довольствуется крѣпостію: онъ устроилъ передовые посты впереди валовъ и всякій день усиливаетъ ихъ и подвигаетъ дальше. Я рѣшился хорошенько проучить турокъ въ эту ночь. Ровно въ десять часовъ, подковникъ Хомутовъ атакуетъ ихъ ретраншаменты. Вотъ мои часы: я повѣрилъ ихъ по часамъ храбраго командира нашихъ с.-петербургскихъ уланъ. Теперь безъ четверти десять часовъ: дайте мнѣ и на этотъ вечеръ пристанище въ вашей ба-

тарей, № 2, откуда такъ хорошо видно. Въ условленную минуту, мы услышали первый ружейный выстрѣлъ.

Едва помѣстившись мы въ наше наблюдательное посту, какъ генералъ Ротъ, освѣтивъ свои часы фонаремъ батареи, сталъ внимательно слѣдить за движеніемъ стрѣлки. Когда она вошла до десяти часовъ, раздался первый выстрѣлъ, а потомъ послышались крики „ура!“ атакующихъ и крики ужаса атакованныхъ во время сна. Турки, застигнутые врасплохъ, собрались однако и нѣсколько минутъ выдерживали внезапную атаку; мы могли судить объ этомъ по ихъ восклицаніямъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ которыя перемеживались съ возгласами: „воли! воли!“ очень ясно произносимыми казаками и уланами.

Меньше нежели черезъ четверть часа, шумные крики и живая ружейная пальба прекратились: турки бѣжали за валы крѣпости.

— Не долго же тянулось! замѣтилъ генералъ Ротъ. — Хомутовъ проворно обдѣлываетъ дѣла: турецкіе ретраншаменты въ нашихъ рукахъ; пойдемъ спать, наша задача кончена.

Генералъ ошибался: турки не считали себя разбитыми; мы могли убѣдиться въ томъ по ихъ стойкости.

Едва воротился я въ свою палатку и успѣлъ заснуть, какъ былъ разбуженъ сильнѣйшею канонадою. Всочивъ проворно, я побѣжалъ къ корпусному командиру. Всѣ силстрійскія пушки, которыя могли поразать покинутые ложементы, открыли огонь по русскимъ войскамъ, помѣстившимся въ нихъ. Почти тотчасъ же ружейная пальба и крики новаго боя холоднымъ оружіемъ дали намъ понять, что гарнизонъ, сдѣлавъ большую вылазку, старался овладѣть потерянными позиціями. По направленію же огня, мы скоро могли убѣдиться, что бой завязался именно на этой самой мѣстности, жарко оснаряваемой.

При такомъ положеніи дѣла, корпусный командиръ призналъ нужнымъ послать подкрѣпленіе, поручивъ мнѣ начальство надъ нимъ. Спустившись съ крутой покатости, я послѣдовалъ туда, гдѣ свершалъ ружейный огонь. Лунный свѣтъ помогъ намъ перейти весьма неровную мѣстность, отдѣлявшую насъ отъ поля сраженія.

Приведеннаго мною подкрѣпленія было достаточно для того, чтобы возстановить нашу перевѣсъ: мы удержали за собою ложементы. Тѣмъ не менѣе, на разсвѣтъ турецкій гарнизонъ

произвелъ новую вылазку, только въ другомъ направленіи; онъ бросился даже къ построенному мною пятиугольному укрѣпленію. Генералъ Ротъ, раздраженный дерзостію турокъ, двинулъ на угрожаемый пунктъ еще четыреста человекъ. Я уже отошелъ на нѣкоторое разстояніе, когда корпусный командиръ прислалъ за мною своего адъютанта, передалъ мнѣ кое-какія инструкціи и сказалъ:

— Берегите людей: я не могу располагать болѣе значительными подрѣзками на этой части моего фронта.

Догнавъ селенгинскій баталіонъ, я замѣтилъ, что намъ предстояло слѣдовать по мѣстности изрытой и отчасти каменной, и потому, сойдя съ коня, сказалъ баталіону по-русски: „Селенгинцы идутъ пѣшкомъ, и я не хочу ѣхать...“

Эти немногія русскія слова приняты были баталіономъ съ радостными восклицаніями. Мы построились въ каре, потому что намъ угрожала непріятельская конница: впереди насъ и на флангахъ уже разѣзжали предводители азіатскихъ башибузуковъ въ богатыхъ ярко-цвѣтныхъ кафтанахъ, возбуждая своихъ храбрѣйшихъ воиновъ (*деми*, т. е. бѣшеныхъ или отчаянныхъ) въ огромныхъ черныхъ шапкахъ.

Въ эту минуту молодой русскій офицеръ выступилъ изъ строя и, взмахнувъ шпагою, сказалъ мнѣ по-французски:

— Вы будете довольны нашими солдатами.

— Нисколько не сомнѣваюсь въ томъ—отвѣчалъ я—васъ же прошу остаться при мнѣ переводчикомъ.

Хотя корпусный командиръ и уполномочилъ меня командовать баталіономъ селенгинцевъ, однако я не объявилъ о своемъ назначеніи, но сталъ на крайнемъ углу каре, съ саблею въ рукѣ, и такимъ образомъ подчинилъ себя баталіонному командиру. Мнѣ хотѣлось показать, что я былъ присланъ лишь въ качествѣ адъютанта генерала Рота. Между тѣмъ, баталіонный командиръ фонъ-Горстенъ командовалъ: „впередъ, маршъ!“ и приказалъ бить къ атакѣ; но, послѣ нѣсколькихъ шаговъ, онъ упалъ тяжело раненый въ бокъ. Тогда я принялъ начальство надъ каре и повелъ баталіонъ въ атаку; канониры же моей батареи № 2, находившіеся на ближайшей отъ насъ возвышенности, лишь только замѣтили меня въ главѣ баталіона, наступавшаго бѣглымъ шагомъ, дали залпъ по безпорядочной и пестрой толпѣ турокъ, въ среду которой мы ворвались. От-

брошенный неприятель укрылся опять за крѣпостными валами, и бой уже не возобновлялся.

По чрезвычайно любезной снисходительности къ иностранному волонтеру, въ донесеніи корпуснаго командира часть успѣха этого дня была приписана мнѣ (*).

Когда мы заняли опять позиціи, оставленныя неприятелемъ, солдаты указали мнѣ въ кустарникахъ, окоймлявшихъ нашу дорогу, на многіе обезглавленные трупы. Обычай уносить съ собою эти кровавыя трофеи еще существовалъ тогда между малоазійскими солдатами турецкой арміи.

Бой, продолжавшійся восемнадцать часовъ съ немногими пережками, былъ, по числу участниковъ въ немъ, самымъ кровопролитнымъ изъ тѣхъ, которые мы имѣли подъ Силистріей. Уланскіе полковники Хомутовъ и Анрепъ водили въ дѣло свои полки съ большимъ мужествомъ и искусствомъ (**).

Полковника Хомутова я часто видѣлъ или у корпуснаго командира, или въ его собственномъ лагерѣ. Во время нашего пребыванія подъ Силистріей съ нами случилось обстоятельство, первоначально подвергнувшее обоимъ насъ сильному недоумѣнію. Я имѣлъ привычку, во все время постройки и отдѣлки моихъ укрѣпленій, выступать на работы вечеромъ съ четырьмя или съ пятьюстами человѣкъ, отданными въ мое распоря-

(*) Изъ числа приложенныхъ въ концѣ книги документовъ находится рапортъ командира 6-го корпуса ельдямаршагу графу Витгенштейну. Генералъ Ротъ, налагая въ немъ заслуги перваго секретаря французскаго посольства, проситъ ельдямаршала ходатайствовать Бурговну золотую шпагу съ надписью „за храбрость“.

(**) Здѣсь разсказъ автора нѣсколько обивчивъ, потому что не показаны числа, когда происходили описываемыя имъ дѣла. Въ ночь на 9-е августа, когда наша передовая цѣпь была значительно подвинута, генералъ Ротъ началъ строить новую батарею на 20 полупудовыхъ единороговъ, впереди нашего центра, на самомъ слатѣ горы. Тогда гарнизонъ Силистріи произвелъ сильную вылазку, крѣпость открыла огонь до всѣхъ бастионовъ, и, кромѣ того, турецкія полки показали по базарджикской дорогѣ, съ намѣреніемъ пробиться въ крѣпость. Послѣ 18-часоваго боя турки были отбиты на всѣхъ пунктахъ; но какъ гарнизонъ Силистріи владѣлъ еще двумя возвышеніями впереди нашего лѣваго крыла, откуда, устроивъ ложементы, грозилъ обстрѣлывать во флангъ нашу линію, то корпусный командиръ приказалъ полковнику Хомутову овладѣть этими высотами, что и было исполнено въ ночь съ 15-го на 16-е августа съ 1 баталіономъ и 2 эскадронами. На другой день турки, въ числѣ 5,000 человѣкъ, три раза пытались отнять занятые нами высоты, даже взобрались на гребень ихъ, но были протганы и преслѣдуемы до самаго гласиса, потерявъ до 600 убитыхъ и столько же раненыхъ. Генералъ Ротъ, ходатайствуя о наградѣ Бурговна, упоминаетъ въ особенности о 9-мъ и 16-мъ августа, въ которые отличился первый секретарь французскаго посольства.

женіе; намъ часто доставалось проходить порядочное пространство, потому что линія нашего лагеря простиралась почти на шесть верстѣ. Размѣстивъ рабочнхъ и прикртыіе ихъ, я возвращался въ свою палатку на карачнслнскомъ плато. Разъ вечеромъ, на возвратномъ пути, я встрѣтилъ полковника Хомутова, который, въ сопровожденіи одного улана-ординарца, объѣзжалъ аванпосты между лагеремъ и крѣпостію. Такъ какъ дорога, по которой слѣдовалъ молодеі полковннкъ, была кратчайшая, то я согласился соутствовать ему. Мы ѣхали разговаривая тихо, какъ вдругъ мнѣ послышался будто свистъ пули. Между тѣмъ, выстрѣла не было, и я думалъ, что я ошибся; но спустя нѣсколько минутъ послышался тотъ же острый и продолжительный шумъ. Я однако не счелъ нужнымъ и теперь говорить о томъ моему спутнику.

На другой день загадка объяснилась. Полковникъ Хомутовъ, навѣстивъ меня, спросилъ:

— Не слышали ли вы вчера вечеромъ свиста двухъ пуль, въ то время, когда мы находились близъ крѣпости?

— Слышалъ, любезный полковникъ, но, боясь ошибиться, не сказалъ вамъ ничего, чтобы вы не приняли меня за сангасера.

— Точно также думалъ и я, отвѣчалъ полковникъ. — Я размышлялъ: мнѣ послышался шумъ двухъ пуль, но выстрѣла не было, и если я скажу о томъ, что подумаетъ обо мнѣ французскій офицеръ? Теперь вотъ что узналъ я: сейчасъ въ палаткѣ генерала Рота, откуда я пришелъ къ вамъ, получены отъ аванпостныхъ начальниковъ дозесенія, что, въ продолженіе этой ночи, турки выходили изъ крѣпости съ *духовыми ружьями* и стрѣляли по часовымъ.

Съ командиромъ Харьковскаго уланскаго полка я также находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Графъ Анрепъ, еще очень молодой, отличался, подобно своему товарищу, храбростію и любезнымъ характеромъ. Вообще я пользовался постоянно самымъ радушнымъ приеомомъ въ русской арміи. Справедливо хвалить русское гостепрнмство; это дѣйствительно національное качество, хранимое какъ наследіе старины. Положеніе, данное корпуснымъ начальникомъ иностранному офицеру, порученія, которыя онъ возлагалъ на меня, могли бы возбудить зависть: я же, напротивъ, видѣлъ только вниманіе и предупредительность. Мнѣ нерѣдко случалось ѣздить въ отдаленныхъ час-

тихъ нашего лагеря и встрѣчаться съ кѣмъ-нибудь изъ полковниковъ или начальниковъ частей, принимавшихъ меня съ самымъ дружественнымъ сочувствіемъ. Если въ это время, когда я былъ въ ихъ палаткѣ или въ балаганѣ, являлся съ аванпостовъ субалтернъ-офицеръ или унтеръ-офицеръ, то едва произнесилъ онъ первыя слова своего дозвѣнія, какъ полковникъ останавливалъ его и говорилъ:—„Обратитесь къ присутствующему здѣсь французскому офицеру: онъ нашъ вѣрный союзникъ, нашъ боевой товарищъ; намъ нечего скрывать отъ него.“ Когда же я благодарилъ за такую вѣжливость, то хозяинъ палатки отвѣчалъ:—„Я исполняю только одно изъ древнѣйшихъ преданій русскаго гостепріимства.“

Между тѣмъ, приближалось время, когда я долженъ былъ воротиться изъ-подъ Силистріи къ посланнику и ѣхать въ Петербургъ, такъ какъ кампанія оканчивалась. Передъ отъѣздомъ мнѣ дано было порученіе къ графу Палену, генералъ-губернатору придубнайскихъ княжествъ.

Переpravясь черезъ Дунай, я встрѣтилъ обозъ нашихъ раненыхъ, направлявшійся къ Букаресту. Въ числѣ ихъ было довольно много селенгинцевъ, которыхъ я узналъ по краснымъ погонамъ на сѣрыхъ шинеляхъ. Такъ какъ это были тѣ самые солдаты, которыми я командовалъ и которые были ранены подлѣ меня, то я одѣлалъ ихъ деньгами вдвое больше, нежели сколько далъ другимъ ихъ товарищамъ. Въ Букарестѣ я прожилъ четыре дня, и воротился въ лагерь, чтобы приготовиться къ отъѣзду. Однажды утромъ, проходя мимо праваго фланга лагеря Селенгинскаго полка, я былъ остановленъ ефрейторомъ. Онъ сказалъ мнѣ:—„Полкъ нашъ узналъ, что вы сдѣлали для нашихъ раненыхъ. Мы желаемъ поблагодарить ваше высокоблагородіе, и первое капральство первой роты проситъ васъ откушать нашей похлебки.“ Конечно, я съ удовольствіемъ принялъ это задушевное приглашеніе.

Немного дней спустя, генералъ Ротъ получилъ увѣдомленіе, что его корпусъ подъ Силистріей будетъ смѣненъ корпусомъ князя Щербатова. Я рѣшился ускорить свой отъѣздъ, горячо поблагодарилъ генерала за все его вниманіе ко мнѣ и пустился въ путь, по направленію къ Одессѣ.

III.

Участіе, принятое нашими соотечественниками и другими иностранными волонтерами въ турецкой кампаніи.—Отъѣздъ герцога Мортемаря въ Парижъ и возвращеніе въ С.-Петербургъ.—Адрианопольскій миръ.— Празднество въ Петербургѣ.

Прежде нежели я оставилъ берега Дуная, мнѣ довелось бесѣдовать со многими русскими офицерами, дѣлавшими кампанію. Они сообщили мнѣ пріятныя вѣсти о герцогѣ Мортемарѣ и о французахъ, участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ дѣлахъ, которыя русская армія имѣла съ турками на пути къ Шумлѣ, французскій посланникъ и молодые люди, состоявшіе при немъ, заслужили похвалы императора; но судьба приготовила, собственно имъ, случайность стычки, нелишенной ни живописнаго, ни романическаго элемента, свойственного востоку, ни нечаянности, подвергающей испытанію мужество. Вотъ что рассказывалъ мнѣ впоследствии русскій офицеръ, бывшій изъ главной квартиры.

Въ одно прекрасное утро, армія, слѣдуя къ Шумлѣ, проходила по мѣстности весьма дѣсистой, перерѣзанной дорогами и множествомъ проселковъ и тропинокъ. Случилось такъ, что французское посольство отдѣлилось на нѣкоторое время отъ маршевой колонны. Посланникъ и три его племянника, Генрихъ де-Мортемаръ, Гекторъ де-Беарнъ и Жеро де-Крюссоль, ѣхали спокойно, имѣя позади себя трехъ гвардейскихъ казаковъ, состоявшихъ въ качествѣ ординарцевъ при посланникѣ. Вдругъ веселый разговоръ ихъ былъ прерванъ ружейнымъ выстрѣломъ. Ничего однакожь не замѣтили они ни въ дѣсу, ни на опушкѣ его. Въ это время наши всадники выѣзжали изъ довольно густаго кустарника, чтобы дебушировать на небольшую поляну, шаговъ въ триста въ поперечникѣ. На противоположномъ концѣ этой прогалины мелькали чащмы красныя, бѣлыя и зеленныя, какъ будто не рѣшались показываться изъ-за дѣса, ихъ скрывавшаго. Угрожающіе крики перемѣшивались съ ружейными выстрѣлами.

Въ подобныхъ случаяхъ остается только исполнить то испытанное на войнѣ правило, что всякій кавалеристъ, отказывающійся отъ атаки, тѣмъ самымъ отрешается отъ своего назначенія и теряетъ всѣ свои преимущества. Извѣстное число людей на конѣ бываетъ сильно только своимъ наступательнымъ мужествомъ и своею неудержимою стремительностію. Вслѣдствіе этого правила, традиціоннаго во французской кавалеріи, гер-

герцог Мортемарь рѣшилъ тотчасъ же, что слѣдуетъ атаковать депріятеля. Четыре сабли нашихъ соотечественниковъ были вывачены разомъ, три пикн казаковъ опущены, и всѣ семь всадниковъ устремились на тѣхъ, которые вызывали ихъ на бой....

Турки, предполагая, что эти семь, столь отважныхъ, всадниковъ образуютъ лишь авангардъ многочисленнаго отряда, повернули въ лѣсъ, но были преслѣдуемы, при чемъ не обошлось безъ обмѣна нѣсколькими сабельными ударами и пистолетными выстрѣлами. Герцогъ Мортемарь счелъ однако безполезнымъ вдаваться далѣе въ глубину лѣса; но казакъ Мамоновъ оставилъ свою погоню только тогда, когда просадилъ пикю одного изъ турокъ, еще недавно такъ храбрившихся.

Вскорѣ прискакалъ взводъ русскихъ гусаръ, привлеченный ружейными выстрѣлами; но мусульманъ и слѣдъ простылъ.

По возвращеніи герцога Мортемара въ мѣсто расположенія арміи, императоръ распрашивалъ о подробностяхъ этой встрѣчи и поздравилъ посланника съ избавленіемъ отъ опасности. Мамоновъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Иностранные волонтеры состояли большею частію прикомандированными къ кавалеріи авангарда. Прусскіе офицеры были распределены, смотря по роду оружія, въ различныя полки. Саксонскій офицеръ, баронъ Штейнъ, палъ въ одной кавалерійской атакѣ.

При движеніи къ Балланамъ, Генрихъ де-Ла-Рошжакленъ, передавъ корпусному командиру приказаніе императора атаковать, получилъ отъ русскаго генерала отвѣтъ, напоминавшій ему прекрасныя слова, сказанныя нѣкогда его дядею, солдатомъ вандейской арміи: — „Пойдемъ же съ нами, господинъ де-Ла-Рошжакленъ: когда вы будете впереди, мы послѣдуемъ за вами; если же вы падете, мы отыстимъ за вашу смерть“. Вслѣдъ за тѣмъ русскіе двинулись въ атаку, при чемъ нашъ молодой соотечественникъ былъ въ первыхъ рядахъ войскъ.

Въ Одессѣ я присоединился къ нашему посольству. Герцогъ Мортемарь уѣхалъ отсюда въ Парижъ, а я, въ качествѣ поѣрженнаго въ дѣлахъ, отправился въ С.-Петербургъ.

Въ мартѣ 1829 года, когда посланникъ возвратился къ своему посту, императоръ Николай принялъ его чрезвычайно милостиво. Кампанію 1828 года, на которую большая часть Европы смотрѣла съ недоброжелательствомъ, послужила поводомъ къ

неблагопріятнымъ отзывамъ. Въ Лондонѣ, особенно же въ Вѣнѣ, преувеличивали потери русскихъ. Справедливо, что дунайскія лихорадки и чума свирѣпствовали въ арміи, открывшей походъ слишкомъ поздно, и потому многіе предсказывали губительную зиму; но никто не хотѣлъ взвѣсить дѣйствительныхъ результатовъ войны: взятія многихъ крѣпостей и позиціи, занятой русскою арміей въ Варнѣ, въ сердцѣ Отоманской имперіи. Герцогъ Мортемаръ, проѣзжая черезъ Вѣну, самымъ энергичнымъ образомъ опровергалъ сужденія и зловѣщія толки князя Меттерниха.

Съ живѣйшею признательностію говорилъ мнѣ императоръ Николай о добрыхъ услугахъ, оказанныхъ нашимъ посланникомъ по этому случаю, въ Вѣнѣ и даже въ Парижѣ, гдѣ также господствовали подобныя впечатлѣнія. Желая изъяснить особенное доказательство своихъ чувствъ къ французскому посланнику, государь приказалъ одному изъ своихъ олгигель-адъютантовъ вручить герцогу Мортемару знаки ордена св. Андрея Первозваннаго при самомъ вѣздѣ его въ заставу.

Побѣды 1829 года обманули мрачныя предвидѣнія Австріи; но ни императоръ Николай, ни кто-либо изъ иностранныхъ офицеровъ не принимали участія въ этой кампаніи, кончившейся адрианопольскимъ миромъ.

Заключеніе столь выгоднаго мира ознаменовано было въ Петербургѣ, зимою 1829—1830 года, блестящими праздниками. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ балъ при дворѣ, въ которомъ явились боги и богини Олимпа, одни въ богатыхъ и изящныхъ костюмахъ, другіе въ комическомъ одѣяніи. Русскіе и французскіе стихи были читаны или пѣты этими аллегорическими лицами. Особенно понравились наряды молодыхъ дамъ, выбранныхъ нарочно для того, чтобы онѣ представляли привлекательную противоположность съ тѣми божествами, въ повинственные костюмы которыхъ, съ грозными атрибутами, были облечены. Такъ красавица графиня С* явилась въ пурпуровой туникѣ, въ золотой кирасѣ и въ шлемѣ бога Марса. Прелестная графиня Софія А*, замѣчательная тонкостію и правильностію чертъ лица, была одѣта Геркулесомъ: она имѣла на себѣ шкуру льва немейскаго и держала въ рукахъ огромную палицу, поразившую гидру лермейскую. Остановясь передъ императорскою фамиліей, графиня прочитала стихотвореніе, въ которомъ Геркулесъ просилъ поручить ему одному работу, пред-

принятую тогда по приказанію государя, именно обдѣлать и принести въ Петербургъ гранитную колонну, предназначенную для памятника въ честь императора Александра. Монолитъ имѣлъ размѣры нашей колонны на Вандомской площади (*), и этотъ-то *маленькій камень* Геркулесъ вызывался *одинъ*, безъ посторонней помощи, поставить на дворцовой площади, будучи недоволенъ, какъ онъ говорилъ, своими двѣнадцатью подвигами.

Спустя три года, Александровская колонна дѣйствительно была поставлена на дворцовой площади; но вмѣсто бѣлой, мнѣніею ручки, которая поднималась къ императору, обѣщая выполнить тринадцатый подвигъ Алкида, надобно было употребить двѣсти воротовъ и руки десяти тысячъ гвардейскихъ солдатъ (**). Вотъ какъ совершилось это чудо циклопической динамики. Успѣхъ такого колоссальнаго предпріятія затмилъ собою все, что древніе египтяне, кельты и скандинавы совершили изумительнаго въ искусствѣ передвигать большія каменные массы.

Кстати, говоря объ Александровской колоннѣ, одномъ изъ лучшихъ украшеній С.-Петербурга, нельзя не вспомнить о предложеніи, сдѣланномъ императору Николаю искуснымъ французскимъ архитекторомъ г. Монфераномъ, который завѣдывалъ извлеченіемъ, обдѣлкою и постановкою гранитнаго монолита. Онъ предлагалъ государю изсѣчь винтовую лѣстницу въ колоссальномъ стержнѣ колонны, уже утвержденной на своемъ основаніи. Но предложеніе это не было принято, изъ опасенія повредить величественный памятникъ Александру I.

* *

(Продолженіе будетъ.)

(*) Вандомская колонна имѣетъ въ вышину 134 сута и 12 сутовъ въ діаметрѣ; высота же Александровской колонны равняется 154 сутамъ 9 дюймамъ (болѣе 23 саж.). Стержень ея, изъ цѣльнаго гранита, имѣетъ 84 сута. *Ред.*

(**) Для поднятія колонны на подожіе употреблены были *одинъ* тысяча гвардейскихъ солдатъ, служившихъ при императорѣ Александрѣ I, и *четыре*ста работниковъ, а число приведенныхъ въ движеніе машинъ простиралось до *шести*-десяти. *Ред.*